

DOI: 10.25629/НС.2026.05.15

УДК: 316.61+159.9

ВАК: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ORCID: 0000-0003-2079-690X, Author ID: 425517

Ryaguzova E.V., Doctor of Psychology, Saratov State University, ORCID: 0000-0003-2079-690X, Author ID: 425517

✉ rjaguzova@yandex.ru

Модель распределенного авторства: метаморфоза эстетической коммуникации в цифровую эпоху

Аннотация

В статье рассматривается трансформация феномена авторства в условиях цифровой эпохи под влиянием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Цель исследования – предложить адаптивную психологическую модель распределенного авторства, описывающую новые конфигурации эстетической коммуникации между человеком, ИИ и зрителем / сообществом. На основе анализа исторических форм коллективного творчества (фольклор, средневековая иконопись) и современных практик (мемы) показано, что цифровая эпоха порождает не возврат к анонимности или безымянности, а качественно новый тип мультисубъектного, сетевого и гибридного авторства. Разработана модель, включающая три класса агентов – Автор (человек-инициатор), ИИ (алгоритмический медиум) и Зритель / Сообщество (интерпретатор и соавтор), каждый из которых может реализовывать различные модусы (Навигатор, Куратор, Редактор, Провокатор; Наблюдатель, Соавтор, Эксперт и др.). Введено ключевое для психологического анализа различие сильной (интенциональной) и слабой (операциональной) агентности, позволяющее непротиворечиво описать статус ИИ как автономного, но не субъектного участника творческого процесса. Показано, что распределенное авторство порождает три фундаментальных психологических следствия: трансформацию переживания авторства, появление новых рефлексивных компетенций (мета-рефлексия, толерантность к неопределенности, диалогическая установка) и смещение критериев креативности от результативных к процессуально-коммуникативным. Модель обладает эвристическим потенциалом для эмпирических исследований в области социальной психологии, психологии творчества, экспериментальной эстетики.

Ключевые слова

распределенное авторство, искусственный интеллект, эстетическая коммуникация, сильная и слабая агентность, цифровая эпоха, социальная психология творчества, соавторство человека и ИИ

Distributed authorship as a model: the transformation of aesthetic communication in the digital era

Abstract

The digital age and the proliferation of generative AI are transforming the classical model of aesthetic communication ("Author – Text – Recipient"), giving rise to the phenomenon of distributed authorship. Unlike historical forms of collective creativity (folklore, icon painting), where anonymity or namelessness prevailed, contemporary distributed authorship is multi-subject, networked, and hybrid. The aim of this paper is to propose a psychological model that describes the configurations of interaction between humans, AI, and viewers/communities. The model includes three classes of agents with variable modes (Navigator, Curator, Editor, Provocateur for humans; Observer, Co-author, Expert for viewers) and introduces a distinction between strong (human) and weak (algorithmic) agency. It is shown that distributed authorship transforms the sense of agency, requires new reflexive competencies, and shifts the criteria of creativity from outcome-oriented to process-communicative. The model opens up perspectives for empirical research in the social psychology, psychology of creativity and experimental aesthetics.

Keywords

distributed authorship, artificial intelligence, aesthetic communication, strong and weak agency, digital era, social psychology of creativity, human-AI co-authorship

Введение

Современный мир в цифровую эпоху стремительно меняется, но человечество с удивительным постоянством возвращается к старым проблемам и идеям, пытаясь решить их с помощью новых технологий и накопленного опыта. Современный человек вернулся к «общине», только в ее цифровом виде: цифровая община – не территориальная, а интерсубъективная реальность: социальные сети, Телеграм-каналы, сообщества по интересам – «глобальные деревни» М. Маклюэна [1], где все знакомы (в рамках своего комьюнити), могут обмениваться новостями напрямую, сопresentствовать и соучаствовать в жизни каждого члена сообщества. Человечество возвращается к идее «оживления» материи и бессмертия (как в мифах древности), но делает это через науку. Трансформации коснулись и межличностной коммуникации: предпочтение отдается сжатым сообщениям, напоминающим устную традицию передачи мифов – коротких, ярких, эмоциональных, при этом характерной особенностью современных посланий (смс, смайлики, эмодзи) является доминирование визуального компонента над вербальным. Цифровая эпоха парадоксальным образом сделала современный мир похожим на древний с точки зрения восприятия и переработки информации. Фрагментарность восприятия (клиповое мышление) создает технологическую предрасположенность к возврату к допечатным формам коллективного творчества. Инновации меняют природу творчества, личность «расширяется» и достраивается за счет инновационных технологий [2].

В настоящее время распределенное творчество и распределенное авторство находятся в центре междисциплинарных дискуссий, объединяя юристов, психологов, философов и специалистов по компьютерным наукам. Для юристов важна возможность признания ИИ субъектом права или отнесение результатов к общественному достоянию [3]; исследователей в области науки интересует «распределенное» производство знания [4]; журналистов и философов – во-

прос о «невидимом соавторе» и подмене авторства [5]; для психологов обращение к распределенному авторству – возможность пересмотреть саму природу креативного процесса, который перестает быть исключительно внутриспихическим феноменом.

С психологической точки зрения нас интересуют не столько новые конфигурации связей между агентами сами по себе, сколько субъективные репрезентации этих конфигураций у человека: как участник распределенного авторства переживает свою роль, как он воспринимает вклад искусственного интеллекта и сообщества, какие когнитивные и эмоциональные процессы активируются при встрече с «соавтором-алгоритмом», какие личностные диспозиции опосредуют успешность или дискомфорт в этом новом типе творчества. Таким образом, эстетическая коммуникация в цифровую эпоху становится не только семиотической или культурологической проблемой, но и предметом психологического исследования – от экспериментальной эстетики до социальной психологии творчества и психологии личности.

Фокус нашего исследовательского внимания сосредоточен на метаморфозах взаимодействия современного человека с искусством, в частности, с распределенным авторством в эстетической коммуникации в цифровую эпоху. Проблема исследования заключается в том, что классические модели эстетической коммуникации Р.О. Якобсона [6], Ю.М. Лотмана [7] не учитывают появление нечеловеческих агентов (ИИ), обладающих функциями генерации и хранения культурной памяти. Цель данной статьи – предложить адаптивную модель распределенного авторства, описывающую новые конфигурации связей между автором, искусственным интеллектом и зрителем.

Распределенное творчество: история и современность

Распределенное творчество – феномен, имеющий исторические корни: фольклор и устное народное творчество, религиозные и сакральные тексты, средневековая литература и летописи, иконопись и средневековое искусство, античное наследие и философские школы. Оно появилось там, где создание произведения растягивалось во времени, требовалось участие разных людей и не предполагалось единоличного творца. В допечатную эпоху распределенное творчество было правилом, а не исключением. Ценностью произведения выступала не новизна и оригинальность, а его истинность и полезность. С точки зрения Ю.М. Лотмана [8], распределенное творчество в фольклоре – это способ существования текста. Текст находится не в прошлом (написанный кем-то и когда-то), а в настоящем, в пространстве между людьми. При этом текст создается заново при каждом акте исполнения / слушания, и в этом процессе все участники являются соавторами. В фольклорной культуре текст остается живым, поскольку он постоянно воспроизводится и живет именно благодаря своей воспроизводимости, он «длится» за счет ошибок памяти и вариативности устной речи.

Важно отметить исторический контекст – феномен не индивидуального авторства не является изобретением цифровой эпохи, но имеет существенное отличие. В средневековой иконописи мы встречаемся с вынужденной анонимностью мастера, растворяющего свое имя в служении Богу. В фольклорной традиции, напротив, господствует безымянность как модус существования культуры, т.к. произведение принадлежит не конкретному автору, а коллективной памяти народа. Однако и в том, и в другом случаях речь идет не столько о распределении авторских функций между разными людьми, сколько о сознательном отказе от индивидуального авторства или его принципиальной неразличимости. Цифровая эпоха предлагает принципиально иную модель – авторство не исчезает, а именно распределяется, порождая новые конфигурации творчества, т.е. если исторически мы имели дело с анонимностью или безымянностью, то сегодня — с мульти-субъектностью.

Для психологического анализа феномена авторства важно различать исторические формы деиндивидуализации творца. Средневековая иконопись демонстрирует механизм сакральной деиндивидуализации: мастер сознательно отказывается от авторского имени, поскольку его

личность выступает лишь проводником божественного замысла. Психологически это состояние можно описать как трансцендентную идентификацию, предполагающую слияние с высшим смыслом, где авторство переживается не как акт самовыражения, а как служение. Мотивация здесь внешняя (религиозный императив), но интернализированная до степени внутреннего убеждения.

Фольклорная традиция представляет собой иную форму – коллективную деиндивидуализацию. Произведение не имеет автора не потому, что имя скрыто сакрально, а потому что оно рождается в пространстве «между» людьми, шлифуется поколениями, вбирает голоса многих. Психологически это механизм диффузной идентичности, поскольку творец не отделяет себя от сообщества, его «Я» растворено в «Мы». Мотивация здесь иная, это не внешний императив, а органичная включенность в традицию, где индивидуальное самовыражение просто не выделено как ценность.

В цифровую эпоху происходит не деиндивидуализация как утрата или сокрытие авторского «Я», а распределенная авторская идентичность. Современный творец (художник, работающий с ИИ, или обычный пользователь, создающий контент) не исчезает как личность, но его авторские функции разделены между разными агентами: человек выступает инициатором замысла и редактором результата, алгоритм – генератором и интерпретатором культурной памяти, зритель – со-творцом, достраивающим смысл при встрече с искусством.

Психологически смена типов идентичности означает трансформацию рефлексивных механизмов. В средневековой иконописи рефлексия автора направлена вовне («Я – проводник высшего замысла») и практически отсутствует в отношении собственного вклада. В фольклорной традиции рефлексия распределена и не выделена как отдельный акт – творец не отделяет себя от коллективного «Мы». В цифровую эпоху распределенная авторская идентичность требует мета-рефлексии: способности осознавать, какие функции в данный момент делегированы алгоритму, а какие удержаны; отслеживать границу между «моим» и «не моим» в продукте совместного творчества; переключаться между модусами (автор → редактор → наблюдатель) без потери чувства авторской ответственности. Эта мета-рефлексия – новая психологическая компетенция, не требовавшаяся в прежних исторических формах.

Психологически работа с ИИ требует от личности формирования трех ключевых компетенций:

1. Децентрация как когнитивно-аффективная способность. В отличие от преодоления эгоцентризма здесь речь о способности признать, что алгоритм может предложить результат, не выводимый из авторского замысла, и принять этот результат как легитимный вклад, а не как «ошибку» или «сбой». Эмпирически это может проявляться в снижении негативных эмоциональных реакций на непредвиденные генерации ИИ и в готовности включать их в итоговый продукт.

2. Толерантность к неопределенности как регуляторный ресурс. Работа с ИИ сопряжена с частичной утратой контроля над результатом (особенно в генеративных моделях). Высокая толерантность к неопределенности позволяет не редуцировать этот разрыв преждевременными интерпретациями или отвержением «непонятного» результата, а удерживать творческий поиск в зоне неопределенности.

3. Диалогическая установка по отношению к нечеловеческому агенту. Это не антропоморфизация ИИ (приписывание ему чувств и намерений), а прагматическая установка «как если бы»: автор взаимодействует с алгоритмом как с собеседником, который дает ответы, но не обладает субъектностью. Психологически это требует способности к метафорическому переносу и удержанию двойной позиции («Я знаю, что это машина, но действую так, как если бы она отвечала»).

Модель распределенного авторства в цифровую эпоху

Классическая схема эстетической коммуникации опирается на информационно-кодую модель коммуникации Р.О. Якобсона [6]: Адресант → сообщение → адресат, в контексте искусства трансформированную в триаду: Автор → текст → реципиент. Под влиянием идей М.М.

Бахтина [9] о диалогичности и полифоничности текстов Ю.М. Лотман [8] разрабатывает многослойную полилогическую модель эстетической коммуникации, где художественное произведение – это не просто канал передачи, а сложный узел коммуникативных связей – горизонтальных «Я» – «Другой» (автор, текст, культурная традиция, культурный контекст) и вертикальных «Я» – «Я» (автокоммуникация) и показывает, что встреча с искусством – это не только диалог с Другим (автором, культурой), но и диалог с самим собой.

С психологической точки зрения это означает, что художественное произведение выступает не просто источником информации или эстетического переживания, но медиатором самопознания и личностной трансформации. В акте восприятия человек получает возможность посмотреть на себя «со стороны», переструктурировать собственный внутренний опыт, вступить в диалог с теми сторонами своей личности, которые в обычных условиях остаются не актуализированными. Ю.М. Лотман показал, что искусство вызывает особую активность субъекта восприятия, позволяя ему общаться с самим собой через текст. Тем самым он сместил фокус с вопроса «Что говорит мне автор?» на вопрос «Кем я становлюсь в момент встречи с произведением?» – и это открыло путь к психологическому исследованию искусства как пространства личностного роста и конструирования себя.

Схема эстетической коммуникации претерпевает новые изменения под влиянием идей Р. Барта [10] и М. Фуко [11] о «смерти автора», которые ставят под вопрос диктат авторского смысла и передают власть над текстом интерпретатору (читателю), декларируя нелинейность и многомерность текста, его независимость от своего создателя и провозглашая активную роль того, кто этот текст воспринимает. Примерно об этом, но чуть раньше говорил В. Беньямин [12], показывая, что тиражирование убивает психологический опыт встречи с уникальным (ауру) и формирует новый тип восприятия: массовый, шоковый, отождествленный с аппаратом. Искусство перестает быть объектом созерцания и становится стимулятором, а зритель – частью механизма воспроизводства. В этом ключе интересна точка зрения У. Эко [13], для которого автор – это не единоличный творец, а «исчезающий медиатор», запускающий механизм интерпретации, но не контролирующий его результаты, а текст рассматривается как «машина – генератор интерпретаций», которая не завершена без активизирующего участия читателя. Соответственно, произведение становится местом встречи авторского замысла и читательской активности, где смысл рождается именно в этом распределенном взаимодействии.

В настоящее время можно констатировать новые трансформации схемы эстетической коммуникации как сложной, распределенной сети соавторства, которая включает: человека, иницирующего творческий процесс, алгоритмы ИИ как носителей культурной памяти; автономный, интерактивный текст-собеседник; зрителя, который через автокоммуникацию завершает акт творчества в своем сознании в постоянно меняющемся культурном контексте цифровой среды. Соответственно, все участники распределенного авторства или, как метафорично выразилась Н. Хейлиз [14], «когнитивного ансамбля» вступают в функционально равноправный диалог / полилог. Однако равноправие здесь скорее онтологическое, поскольку все агенты влияют на результат (текст), но не аксиологическое, т.к. ответственность и интенциональность всегда остаются за человеком. В цифровом мире распределенное авторство перестает быть только горизонтальным, становится сетевым и гибридным, меняя онтологию произведения, которое выступает не объектом, а процессом (рис. 1).

В цифровую эпоху искусство представляет собой сеть отношений, «переплетенное авторство» [15], «каузальное авторство» [16], где само произведение – есть ключевой центр, в котором сходятся интенции автора, вычислительные мощности ИИ, восприятие и действия зрителей.

Простейшей иллюстрацией распределенного авторства служит интернет-мем. Исходный автор задает шаблон или эстетический импульс, алгоритмы платформ масштабируют и направляют распространение, а сообщество, каждый раз изменяя, дополняя или перекомбинируя исходный текст, становится коллективным соавтором. В этом цикле авторство не может быть присвоено единственному субъекту, поскольку оно существует только в процессе тиражирования и трансформации, что позволяет говорить о меме как о «длежащем тексте» в цифровой среде.

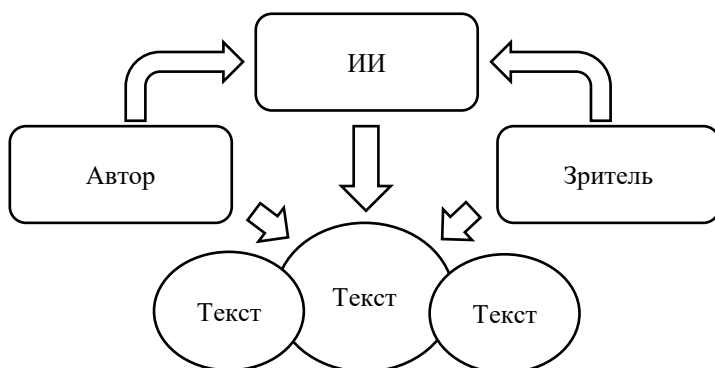

Рисунок 1 – Модель распределенного авторства в цифровом мире

Если раньше текст был «живым», потому что его нельзя точно передать, то в цифровом мире текст становится «живым», потому что его можно бесконечно копировать и пересобирать. В цифровой культуре распределенное авторство стало следствием легкости копирования и редактирования. Текст меняется, потому что в него легко внести изменения, а распределение функций можно рассматривать как осознанный выбор.

Проанализируем различные модусы каждого из трех агентов распределенного авторства.

Автор или вернее Человек – инициатор имеет широкий репертуар возможных модусов – Навигатор, Куратор, Создатель шаблона, Провокатор, Редактор, Интерпретатор. Он задает первоначальную цель, код, стиль, этические рамки, предлагает правила игры или эстетический импульс, а его главной задачей, по мнению Р. Goodfellow [17], становится не столько создание текста, сколько его структурное оформление и презентация. В данном случае авторство позиционируется как функция, которая может быть делегирована, но не отменена. Кроме того, можно вслед за Н. Вајоһр [16], констатировать увеличение дистанции между текстом и ее создателем в цифровую эпоху.

Каждый из модусов имеет не только описательное, но и психологическое измерение, фиксирующее характер переживания субъектом своего вклада, степень присвоения результата и тип ответственности.

Искусственный интеллект или алгоритм (нечеловеческий агент) выступает в виде распространяющего медиума, инструмента обработки больших объемов данных, распознавателя и рекомбинатора сложных закономерностей, ассистента, помощника, импровизатора, генератора альтернативных вариантов, хранителя культурной памяти, который опосредует, масштабирует и видоизменяет творческий акт, расширяя эпистемологические и онтологические возможности человека. Заметим, что ИИ выступает как носитель культурной памяти через датасеты и, соответственно, включает в себя разработчиков, создающих алгоритмы с вложенными в них ценностями. В связи с этим очень интересный и дискуссионный вопрос задает Т.Е. Фадеева [18], акцентируя внимание на том, с кем коммуницирует личность, обращаясь к нейросети – с нечеловеческим агентом или особым образом контейнированными человеческими агентами.

Признавая за ИИ способность к адаптивному поведению и операциональной автономии [19, 20], мы тем не менее отказываем ему в субъектности в традиционном понимании, т.к. он не обладает интенциональностью, не рефлексивен, не несет ответственности, не присваивает опыт [21, 22, 23]. Для психологического анализа распределенного авторства этой констатации недостаточно и необходимо выделить два типа агентности, различающиеся по источнику, контролю и рефлексивной доступности.

Сильная (интенциональная) агентность – это, безусловно, прерогатива человека. Ее психологическими маркерами выступают: переживание того, что «Я» являюсь источником действия,

способность к произвольной регуляции и торможению, рефлексивный отчет о целях и критериях успеха, принятие ответственности за результат, эмоциональное присвоение (гордость при успехе, вина/стыд при неудаче).

Слабая (операциональная) агентность – то, что демонстрирует ИИ. К ее релевантным характеристикам относятся: способность генерировать непредсказуемые комбинации в заданных рамках; влияние на траекторию творческого процесса без интенционального плана; автономность на уровне операций при отсутствии рефлексии; эмерджентность результата, не сводимого к прямой сумме человеческих вкладов. Важно отметить, что слабая агентность не сопровождается феноменологическим переживанием «Я действую», не предполагает ответственности и не доступна самоотчету. Наряду с ИИ и коллективными формами творчества, носителем слабой агентности выступает и само художественное произведение – текст в широком семиотическом смысле (по Ю.М. Лотману, У. Эко, М.М. Бахтину). Как обосновано в нашей работе [24], текст – это «заслуженный собеседник», который требует от личности интерпретационных усилий, «отвечает» на них, но не обладает субъектностью. Текст нужно заслужить – и это принципиально меняет понимание распределенного авторства, включая произведение не как пассивный результат, а как активного (хотя и не интенционального) участника эстетической коммуникации.

Зритель / Сообщество или в терминах В.Е. Кострюкова [25] «киберсоавтор» может находиться в позиции стороннего наблюдателя, пассивно потребляющего тот или иной контент; соавтора, вносящего изменения в соответствии со своим видением и наличным эстетическим капиталом; критика, комментирующего то или иное произведение; эксперта, профессионально оценивающего структуру и содержание; собеседника, вступающего с ним в коммуникацию и взаимодействие; распространителя, тиражирующего его. Он выполняет функцию обратной связи и до/переопределяет смысл, замыкает петлю обратной связи и превращает линейный процесс создания творческого продукта одним автором в циклический, позволяя тем самым всей системе эволюционировать.

Соответственно, предложенная модель распределенного авторства в цифровом мире выглядит как Автор – ИИ – Зритель, где каждая конкретная ситуация создания продукта творческой деятельности представляет собой уникальную конфигурацию актуальных модусов всех трех агентов, каждый из которых может брать на себя авторские функции.

В нашей модели распределенного авторства человек сохраняет сильную агентность на всех этапах (инициация, редактирование, санкционирование, публикация). ИИ выступает как носитель слабой агентности, он не замещает автора, но вносит вклад, который не может быть полностью предсказан или проконтролирован, что создает специфический психологический режим творчества: автор взаимодействует не с пассивным инструментом, а с операционально автономным партнером, чьи «решения» требуют интерпретации, селекции и присвоения. Зритель / сообщество в зависимости от конфигурации может занимать позиции как слабой (при не интенциональном тиражировании и ремикшировании), так и сильной агентности (при рефлексивной интерпретации и критике).

Распределенное авторство с психологической точки зрения – это не делегирование субъектности, а гетерогенная кооперация, порождающая у человека особые переживания: децентрированность (результат частично «не мой»), толерантность к неопределенности (алгоритм может «выдать» неожиданное), диалогичность (необходимость интерпретировать продукт ИИ как «ответ»). Эти переживания составляют предмет эмпирических исследований, которые могут опираться на предложенное различие типов агентности.

Взаимодействие автора, ИИ и зрителя – распределенное авторство – это эмерджентная система, возникающая на уровне сети, где узлами становятся разные агенты, каждый из которых обладает своей степенью автономности и собственной логикой поведения. Только их взаимодействие порождает феномен, называемый «искусством в эпоху ИИ»: текст, который не написал бы ни человек, ни машина по отдельности, но обретающий смысл в контексте того, что он был выбран человеком и интерпретирован сообществом. Как справедливо отметила Л.П. Кия-

ценко [26], смыслопорождение в этой гибридной системе есть результат рекурсивной обратной связи. Эта система является самоорганизующейся: тренды, стили и даже новые формы искусства возникают в ней как эмерджентный эффект петли обратной связи, без единого центра управления.

Каждая траектория взаимодействия Автор–текст, ИИ–текст, Зритель–текст – это определенный тип творческой ситуации и децентрализованного распределенного авторства, где доминирование может перемещаться от агента к агенту. В эмерджентной системе ценность смещается от уникальности происхождения текста, заложенного автором, к уникальности контекста и сборки.

Обратим внимание, что в предложенной модели модусы автора и зрителя – это ситуативные роли, которые актуализируются в конкретном творческом акте. Однако за этими модусами стоят устойчивые индивидуально-психологические диспозиции (личностные черты, когнитивные стили, мотивационные структуры, креативность) и социокультурные позиции (эстетический капитал, статус в сообществе, культурная компетенция, профессиональная принадлежность, современные тренды, доступ к технологиям, эстетические инновации и культурное многоголосье). Можно говорить о том, что динамика распределенного авторства меняется в зависимости от того, кто инициирует и воспринимает процесс, в каком культурном поле он происходит.

Так, например, в исследованиях М.А. Шестовой и др. [27, 28] выявлено, что интерес к искусству и эстетическая отзывчивость выступают ключевыми личностными характеристиками, актуализированными при взаимодействии зрителя с любыми жанрами и направлениями искусства, а профессиональная принадлежность обуславливает специфику эстетического опыта искусства новых медиа у студентов-психологов и студентов-дизайнеров. Эмпирические исследования уже подтверждают, что переживание агентности в сотворчестве с ИИ флуктуирует и зависит от индивидуальных стратегий [29, 30], а эстетическое восприятие ИИ-арта модулируется атрибуцией авторства [31].

Социокультурный контекст выступает не просто фоном, а активным фактором, определяющим актуализацию модусов. Культурная традиция присутствует в датасетах ИИ, жанровых ожиданиях сообществ, эстетическом капитале агентов. Институциональный контекст (музейный, академический или сетевой, неформальный) задает разные нормы авторства – от жесткой фиксации до полного распределения. Положение агента определяет, какие модусы ему доступны: признанный автор может позволить себе модус провокатора, тогда как новичок чаще выступает в модусе соавтора или наблюдателя.

Цифровая среда создает условия для гибридизации модусов: зритель может стать соавтором, автор – зрителем собственного произведения, алгоритм – занимать позиции, традиционно принадлежавшие человеку (кураторство, рекомендация). Это требует от участников распределенного авторства рефлексивной гибкости – способности осознавать и переключаться между модусами, управлять распределением авторских функций в динамичной сети.

Выводы и заключение

Распределенное авторство в цифровую эпоху представляет собой не возврат к архаическим видам коллективного творчества, характеризующимся анонимностью и безымянностью, деиндивидуализацией как утратой или сокрытием авторского «Я», а качественно новую форму эстетической коммуникации, при которой авторство не исчезает, а распределяется между различными агентами, порождая новые конфигурации творчества, становясь мульти-субъектным, сетевым, гибридным.

Разработана адаптивная модель распределенного авторства – Автор (инициатор / редактор), ИИ / алгоритм (генератор / медиум) и Зритель / сообщество (соавтор / интерпретатор), демонстрирующая эвристическую ценность при анализе конкретных практик. Модель репрезентирует сложную сеть соавторства, в которой авторство трансформируется из атрибута личности в функцию распределенной сети, включающей человека, алгоритмы и сообщество. При этом

распределенное авторство не ведет к «смерти автора» в смысле Р. Барта или М. Фуко. Автор не исчезает, но меняет свой статус, он перестает быть единственным источником смысла и становится организатором сети, инициатором процесса, редактором и куратором того, что производят другие агенты (алгоритмы, сообщества). Это требует от автора более высокого уровня рефлексии и ответственности, а не отказа от них.

Агенты сети ведут диалог / полилог, онтологически неравный (ответственность и интенциональность остаются за человеком), но функционально симметричный, поскольку каждый влияет на результат. В пределе распределенное авторство стремится к ризоморфной сети (по Ж. Делезу и Ф. Гваттари), в которой узлы могут появляться и исчезать, связи ситуативны и временны, отсутствует единый центр, а любой узел может стать временным центром сборки.

Произведение (текст) утрачивает позицию фиксированного объекта, становится «длящимся настоящим», обеспеченным технической возможностью мгновенного копирования и редактирования, а также алгоритмической инфраструктурой, т.е. текст характеризуется динамическим, подвижным статусом и существует как трансформационный процесс или сеть отношений.

Распределенное авторство – это эмерджентная самоорганизующаяся система, возникающая на уровне сети, где узлами выступают разные агенты, каждый из которых обладает своей степенью автономности и собственной логикой поведения. Каждая траектория взаимодействия Автор – текст, ИИ – текст, Зритель – текст – это определенный тип творческой ситуации и децентрализованного распределенного авторства, где доминирование может перемещаться от агента к агенту.

Предложены и описаны различные модусы каждого сетевого агента, позволяющие анализировать различные конфигурации сети распределенного авторства.

С точки зрения психологии творчества и психологии личности, распределенное авторство означает сдвиг от модели «субъект → объект (инструмент) → текст» к модели «субъект ↔ квази-субъект (ИИ) ↔ сообщество ↔ текст». Этот сдвиг порождает три фундаментальных психологических следствия: трансформация переживания авторства, появление новых рефлексивных компетенций, изменение критериев креативности. Если раньше креативность оценивалась по продукту (новизна, полезность), то в распределенном авторстве важным становится сам процесс построения продуктивного взаимодействия с алгоритмом, интерпретация его «ответов», присвоение сгенерированного. Это смещение от результативной креативности к процессуально-коммуникативной.

Наконец, предложенная модель распределенного авторства позволяет пересмотреть сам статус произведения искусства (текста). Произведение никогда не является данностью, оно требует от субъекта (автора, зрителя, сообщества) усилия встречи, интерпретации, достройки, присвоения. Иными словами, текст нужно «заслужить». В классической эстетике это усилие предпринимал зритель / читатель, а в цифровую эпоху, в условиях распределенного авторства, это усилие становится распределенным, т.к. его разделяют человек, алгоритм и сообщество, каждый с помощью своих средств и в меру своей агентности. Текст перестает быть объектом потребления и становится пространством совместной работы, где авторство – не право, а результат усилия.

Модель распределенного авторства открывает ряд перспектив для эмпирических исследований: разработку и валидизацию типологии профилей авторов, работающих с ИИ; лонгитюдное изучение динамики компетенций распределенного авторства; экспериментальные исследования связи модусов зрителя с личностными свойствами и условиями восприятия; кросс-контекстуальный анализ влияния социокультурных факторов на конфигурации распределенного авторства; разработку и валидизацию стандартизированного инструментария для диагностики стратегий работы с ИИ и установок на распределенное авторство; экспериментальное изучение эстетического восприятия ИИ-арта в условиях разной атрибуции авторства. Реализация этих направлений позволит не только верифицировать и уточнить предложенную модель, но и внести вклад в психологию искусства, психологию творчества, экспериментальную эстетику и культурологические исследования в условиях цифровой трансформации.

Библиография

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн ; пер. с англ. И. О. Тюриной. Москва : Академический Проект, 2018. 443 с.
2. Солдатова Г.У., Илюхина С.Н. Человек технологически достроенный: в поисках целостности // Культурно-историческая психология. 2025. Т. 21, № 1. С. 13-23. DOI: 10.17759/chp.2025210102
3. Ермаков А.Е. Правовой режим результатов, созданных при помощи искусственного интеллекта // Экономика. Право. Общество. 2025, № 10(3), с. 149-153. DOI: 10.21686/2411-118X-2025-3-149-153
4. Воронин А.Н., Рафикова А.С., Смирнов И.В., Станкевич М.А. Различия в структуре научного дискурса при индивидуальном и соавторском авторстве публикаций // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 3. С. 118-132. DOI: 10.31857/S0205959224030107
5. Осмоловская С. М. Нейросети и медиатексты: соавторство человека и искусственного интеллекта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 3 (55). С. 58-64. DOI: 10.24412/2078-9238-2025-355-58-64
6. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
7. Лотман Ю.М. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 432–438.
8. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 163-177.
9. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 томах. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963: Работы 1960-х-1970-х гг. Москва: «Русские словари», 2002. 799 с.
10. Барт Р. Смерть автора / пер. с фр. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
11. Фуко М. Что такое автор? // М. Фуко. Воля к истине: по ту стороны знания, власти и сексуальности: сборник / пер. с фр. М.: Магистерium, Касталь, 1996. С. 7-46.
12. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. «Медиум», 1996. 240с.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Москва: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
14. Hayles N. K. Literary Texts as Cognitive Assemblages: The Case of Electronic Literature. // Electronic Book Review. (2018, August 5). <https://electronicbookreview.com/essay/literary-texts-as-cognitive-assemblages-the-case-of-electronic-literature/> (дата обращения: 17.04.2026).
15. Bomba B., De Angeli A. More than human art: agency, creativity and authorship, SSRN, 2024. <https://ssrn.com/abstract=5108335> (дата обращения: 17.04.2026).
16. Vajohr H. Writing at a distance: notes on authorship and artificial intelligence // German Studies Review, 2024, pp. 315–337
17. Goodfellow P. The distributed authorship of art in the age of AI // Age of AI. Arts, 2023, vol. 13, No. 5, DOI: 10.3390/arts13050149
18. Фадеева Т. Е. «Союз» художника с нечеловеческим агентом – утопия или рабочая модель художественного производства? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25, № 88. С. 108-115. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-108-115.
19. Масленкова Н.А., Никитина А.С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Семиотические исследования. 2025. Т. 5. №2. С. 122-133. DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-122-133

20. Poornima, G., Nasurudeen Ahamed, N. Reimagining Autonomy: Agentic AI in the Age of Human-Centric Innovation. In: Reddy, C.K.K., Joseph, S., Joshi, H., Doss, S., Ouaisa, M. (eds) *The Power of Agentic AI: Redefining Human Life and Decision-Making. Sustainable Artificial Intelligence-Powered Applications*. 2025. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-89424-4_19
21. Bozkurt A. GenAI et al.: cocreation, authorship, ownership, academic ethics and integrity in a time of generative AI // *Open Praxis*, 2024, Vol. 16, No. 1, pp. 1–10, DOI: 10.55982/openprax-is.16.1.654.
22. Northoff G., Gouveia S.S. Does artificial intelligence exhibit basic fundamental subjectivity? A neurophilosophical argument // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2024, Vol. 23, pp. 1097–1118.
23. Напсо М. Б. Новые коммуникационные системы – «человек – искусственный интеллект – человек» и «человек – искусственный интеллект»: к вопросу о социально-психологических особенностях взаимодействия // *Человеческий капитал*. 2026. № 3(207). С. 133-150. DOI 10.25629/НС.2026.03.12.
24. Рягузова, Е. В. Коммуникация личности с художественным текстом как «заслуженным собеседником» // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2022. Т. 11, № 1(41). С. 16-23. DOI: 10.18500/2304-9790-2022-11-1-16-23
25. Кострюков В.Е. Трансформация авторства при переходе от традиционных медиа к цифровым // *Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия»*. 2022. Т. 4. № 4. С. 83–93. DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2022.4.9
26. Киященко Л.П. Многообразие форм парадоксальности в мультиверсальности порождающего творчества // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2025. Вып. 4. С. 487-497. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-4-487-497
27. Шестова М.А. Системно-динамическая модель эстетического опыта // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2025, 48(3), 268-293. DOI: 10.11621/LPJ-25-33
28. Шестова М.А., Кожухарь К.А., Перфильева Н.В., Дюкина А.Ф. Эстетический опыт искусства новых медиа у студентов, обучающихся психологии и дизайну // *Национальный психологический журнал*, 2025, № 20(4), с. 253-268. DOI: 10.11621/npj.2025.0419
29. Rafner J. F., Zana B., Hansen I. B., Ceh S., Sherson J., Benedek M., Lebeda I. Agency in Human-AI Collaboration for Image Generation and Creative Writing: Preliminary Insights from Think-Aloud Protocols. // *Creativity Research Journal*, 2025, pp. 1–24. DOI:10.1080/10400419.2025.2587803
30. Fu, X. J. Reclaiming Agency in the Age of AI Co-Writing: Locus of Control and Narrative Identity. In *Proceedings of the 2025 ACM Conference on Creativity and Cognition*, 2025, pp. 52-53. DOI: 10.1145/3698061.3734422
31. Stanko-Kaczmarek, M. 'Between the Lines': Perceptions of Poetry with Authorship Attributed to Artificial Intelligence or Humans – A Comparative Analysis // *Journal of Creative Behavior*, 2025, № 59(3). DOI: 10.1002/jocb.1513

Поступила в редакцию: 04.04.26

Принята к публикации: 20.05.26